

В. И. Шишкин
**ИРКУТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ МЕМУАРИСТОВ И ИСТОРИКОВ
1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-154-161

УДК 94(47)“1920/1930” ББК 63.3(253.5)614

В статье анализируются посвященные Иркутскому Политическому центру тексты советских мемуаристов и историков, написанные и опубликованные в 1920-е — первой половине 1930-х гг. Делаются выводы, что во время гражданской войны одни авторы воспоминаний и статей находились в лагере контрреволюции, другие — оппонировали большевикам, третьи являлись членами большевистской партии. Но после окончания гражданской войны почти все противники большевиков изменили свою партийную принадлежность и вступили в РКП(б). Изначальные идейно-политические взгляды авторов и их последующий переход на коммунистические позиции обусловили набор проблем, которые они рассматривали в своих текстах, и их интерпретацию. В центре внимания мемуаристов и историков оказался ограниченный круг проблем, которые они считали важнейшими для понимания феномена Политцентра: причины и факторы, обусловившие его создание; цель и задачи, которые стремился решить Политцентр; его роль и значение в окончании гражданской войны в Сибири. По всем этим вопросам у мемуаристов и историков 1920-х гг. прослеживаются существенные расхождения, обусловленные как их идейно-политическими взглядами, так и уровнем эрудиции, самостоятельностью мышления. Отмечаются недостаток объективности большинства авторов и тенденциозность высказанных ими суждений, которая резко усилилась с начала 1930-х гг. и явилась отражением общей ситуации в Советском Союзе и в советской историографии. В результате к середине 1930-х гг. в исторической литературе утвердилась оценка деятельности Иркутского Политцентра как второго этапа «демократической контрреволюции».

Ключевые слова: *Сибирь, гражданская война, эсеры, меньшевики, большевики, Политический центр, буферное государство, «демократическая контрреволюция»*

Политический центр — такое претенциозное название получил руководящий орган, созданный в середине ноября 1919 г. на состоявшемся в Иркутске Всесибирском совещании земств и городов. Его наименование Политцентром имело двоякий смысл. Оно означало, что в спектре политических сил, существовавших на востоке России на данной фазе гражданской войны, этот орган занимает как бы промежуточное, но центральное положение между красными и белыми, между левыми радикалами и правыми реакционерами, между революционерами и контрреволюционерами. В то же время название подразумевало, что Политцентр является структурой, которая объединяет общественно-политические организации демократического и умеренно социалистического характера и руководит ими.

До 24 декабря 1919 г. Политцентр существовал и работал нелегально. С 24 декабря 1919 г. до 6 января 1920 г. он действовал полуполюгально, возглавив вооруженную борьбу против колчаковского режима. С 6 по 21 января 1920 г. Политцентр

являлся высшим органом локальной государственной власти. 15 января 1920 г. по требованию Политцентра союзники передали в его распоряжение бывшего Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и находившуюся в распоряжении последнего часть российского золотого запаса. За непродолжительное время своего правления Политцентр добился освобождения мирным путем подведомственной ему территории от войск интервентов. Наконец, Политцентру обязана своим возникновением идея временного буферного государственного образования на востоке России, которую затем большевики реализовали в виде Дальневосточной республики (ДВР).

Несмотря на важность названных событий гражданской войны, непосредственно связанных с Политцентром, в советской историографии его организация и деятельность не являлись предметом специального исследования. Однако полностью проигнорировать наличие Политцентра мемуаристы и историки в советское время не могли. Наиболее значимые фактические сведения и суждения о Политцентре попутно привели авторы публикаций 1920-х — первой половины 1930-х гг., посвященных ликвидации колчаковского режима и/или созданию ДВР.

Первые сведения о Политцентре появились в начале 1920-х гг. в воспоминаниях Е. Е. Колосова и П. Д. Яковлева. Фрагменты воспоминаний Яковлева, до конца 1919 г. служившего управляющим Иркутской губернией, под литерой N появились в 1922 г.¹ К тому времени бывший высокопоставленный чиновник колчаковской администрации Яковлев под фамилией Дунин уже жил в Харбине и состоял секретным сотрудником советской военной и политической разведки. Мемуары содержат информацию, частично проливающую свет на возникновение, планы и деятельность Политцентра.

Заслуживают внимания такие утверждения мемуариста: Политцентр возник не на пустом месте, а стал преемником ранее созданного земцами Политического бюро; работа Политцентра сначала велась «в строго конспиративных условиях»; заседание Иркутской городской думы 26 ноября 1919 г. «было первым публичным выступлением Политического центра», заявившего о неизбежности борьбы с Российским правительством; задержка восстания Политцентра в Иркутске до конца декабря была обусловлена слабостью его вооруженных сил, арестом колчаковской контрразведкой военного штаба и неуверенностью в своей победе. Яковлев утверждал, что 26–27 декабря 1919 г., уже в ходе начавшейся вооруженной борьбы, велись переговоры между Советом министров Российского правительства и представителями Политцентра о прекращении кровопролития и достижении соглашения по вопросу о власти.²

Воспоминания Колосова составляют большую часть его книги «Сибирь при Колчаке».³ Важными являются его свидетельства об организации Земского политического бюро как исполнительного органа Всесибирского земско-социалистического съезда, который нелегально состоялся в конце сентября — начале октября 1919 г. в Иркутске. Именно с деятельностью земско-социалистического движения мемуарист связывал образование Политцентра.

По свидетельству Колосова, являвшегося ключевой фигурой Земского политбюро, в октябре–ноябре оно стало местом притяжения для представителей разных антиколчаковских организаций и течений. «Земское Политбюро, — утверждал мемуарист, — вместе с ними

вырабатывает общее отношение к текущим событиям» и постепенно «земское течение поглощается новыми или, вернее, старыми политическими организациями, вновь почти открыто выступающими на арену политической жизни. В первой половине декабря того же 1919 г. всеми указанными группами, при участии в том числе и Земск[ого] политбюро, кладется начало для создания той формы власти, которая позже получает название “Политического центра”».⁴

Заслуживают внимания сведения о Политцентре, которые в 1924 г. привел А. Н. Черкунов.⁵ Автор был старым членом РСДРП, меньшевиком, отбывал каторгу и находился в ссылке в Сибири. Во время колчаковщины он служил в Иркутском губернском земстве, избирался гласным Иркутской городской думы, при Политцентре являлся председателем комиссии по разбору архивов колчаковской охранки и контрразведки.

По утверждению Черкунова, Политцентр был избран в Иркутске в ноябре 1919 г. «в строго конспиративных условиях» из представителей земских и городских самоуправлений и политических партий «с привлечением нелегальных коммунистов». В качестве первоочередной задачи, которую решал Политцентр, автор назвал установление контактов с командованием Чехословацкого корпуса и достижение с ним соглашения о полном нейтралитете в случае вооруженной борьбы между войсками Политцентра и Российского правительства. По данным Черкунова, такая договоренность была достигнута, после чего он начал энергичную работу по подготовке вооруженного восстания.

Черкунов изложил основные пункты платформы Политцентра, которые были приняты им после «очень многих, иногда довольно бурных заседаний». Они заключались в следующем: прекращение гражданской войны во что бы то ни стало и заключение мира с советским правительством; ликвидация интервенции и вывод из Сибири союзных войск; организация буферного государства и создание правительства буфера из коалиции социал-демократов, эсеров и большевиков. Роль буфера мемуарист видел в том, чтобы наладить нормальные торговые отношения между Советской Россией и границей через Дальний Восток. По версии Черкунова, в платформе Политцентра говорилось, что «в его задачи отнюдь не входит борьба

¹ См.: Н. Последние дни колчаковщины // Сибирские огни. Новоиколаевск. 1922. № 2. С. 76–95.

² См.: Там же. С. 80–89.

³ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг, 1923.

⁴ Там же. С. 28

⁵ См.: Ч[еркунов] А. Н. Календарь революции г. Иркутск (1917–1924 гг.) // Весь Иркутск. Адресно-справочно-телефонная книга на 1924 г. Иркутск, 1924. С. 1а–24а.

с Советской властью и, если объективные условия будут таковы, что Советская власть явится наиболее приемлемой властью, то он добровольно уступает ей». Вслед за Яковлевым Черкунов написал о том, что представители Политцентра впервые открыто выступили на состоявшемся 26 ноября 1919 г. чрезвычайном заседании Иркутской городской думы в присутствии министров Российского правительства и дипломатического корпуса. «Общий смысл всех выступлений, — по мнению автора, — никаких соглашений с правительством Колчака. Уход правительства и передача власти органам городского и земского самоуправления — единственный, мыслимый Политцентром, выход из положения».⁶

Деятельности Политцентра во время его пребывания у власти Черкунов уделил всего несколько строк, сообщив об арестах сподвижников Колчака, учреждении чрезвычайной следственной комиссии и комиссии по разбору архивов охраны и контрразведки.

Крупным событием в советской историографии гражданской войны стала публикация в 1925 и 1926 гг. двух сборников документов, содержащих информацию о допросе А. В. Колчака и о последних днях колчаковщины.⁷

Их составителем был один и тот же человек — М. М. Константинов. Он же был автором примечаний в первом сборнике, редактором и автором предисловия второго. Константинов с 1903 г. входил в Иркутскую организацию РСДРП, вскоре стал профессиональным революционером. В 1908 г. он был приговорен к четырем годам каторги, которую отбывал в Александровском центральном. С осени 1919 г. Константинов являлся председателем Иркутской городской думы. После прихода к власти Политцентра входил в состав сформированного им Временного совета сибирского народного управления. С восстановлением в Иркутске советской власти вступил в РКП(б).

Константинов первым из историков охарактеризовал сущность Политцентра как институции. В 1925 г. он определил Политцентр как объединение «нескольких политических организаций Сибири». В следующем году он уточнил свою характеристику, назвав Политцентр временным блоком земских и политических организаций Сибири, «поставивших своей целью политическое возглавление нарастающего движения против колчаковской диктатуры».

Автор верно назвал организации, входившие в Политцентр. Он утверждал, что Политцентр возник как подпольная организация. Оказавшись у власти после бегства колчаковского правительства и просуществовав всего три недели, он передал власть образованному большевиками в Иркутске военно-революционному комитету.⁸

Константинов указал основные политические лозунги блока: мир с Советской Россией, борьба с интервенцией и отказ от соглашения с ценовыми элементами. Он предпринял также попытку раскрыть платформу Политцентра. «Вся программа политических и экономических преобразований, обещавшихся Политцентром, — утверждал историк, — представляла собою краткую перефразировку и модернизацию эсеро-меньшевистских требований, выставлявшихся в качестве программных требований эсерами и меньшевиками и раньше. Единственный пункт, являвшийся ценным, новым и весьма характерным для Политического центра, был пункт о прекращении войны с [советской] Россией». Правда, в другом месте Константинов писал, что буфер рассматривался социалистами «как способ наиболее безболезненной ликвидации реакционных правительств на востоке и вместе с тем нейтрализации союзников». Однако, по мнению Константинова, значение этих пунктов нельзя было преувеличивать, поскольку Политцентр мыслил свою миссию не как осуществление «перехода от колчаковщины к Советской власти», а как формирование «государственного образования с суверенной властью». Автор утверждал, что задачей Политцентра было создание буферной государственности «для опоры в дальнейшей борьбе с Советской властью», что эсеры смотрели на буфер «как на новую позицию в дальнейшей борьбе с Советской властью и большевизмом». Константинов попытался определить роль Политцентра в период ликвидации колчаковщины. «У деятелей самого Политического центра, — полагал он, — естественно складывалось представление о доминирующем значении Политцентра в деле борьбы с остатками реакции на востоке». «В действительности же, — считал Константинов, — роль Политцентра была значительно скромнее, чем казалось и кажется на первый взгляд».⁹

Середина 1920-х гг. ознаменовалась появлением первых публикаций, содержащих информацию о Политцентре, авторами которых являлись коммунисты. В 1924–1926 гг. тремя

⁶ Черкунов] А. Н. Указ. соч. С. 13а.

⁷ См.: Допрос Колчака. Л., 1925; Последние дни колчаковщины: сборник документов. М.; Л., 1926.

⁸ См.: Допрос Колчака. С. 214; Константинов М. Предисловие // Последние дни колчаковщины. С. 3.

⁹ Там же. С. 16, 17.

статьями отметил А. А. Ширямов, в 1927 г. одной — И. Н. Смирнов, в 1928 г. книгой — П. С. Парфенов (Петр Алтайский).

Смирнов и Ширямов были профессиональными революционерами, членами РСДРП с 1899 и с 1900 гг. соответственно. В начале 1920 г. Смирнов состоял кандидатом в члены ЦК РКП(б), членом Реввоенсовета 5-й армии, возглавлял высший орган советской власти в Сибири — Сибирский революционный комитет. Ширямов стал широко известным деятелем в конце 1919 г., когда на проходившей в Иркутске нелегальной конференции большевиков его избрали председателем Сибирского областного комитета РКП(б).

Статьи Ширямова были написаны довольно бессистемно и не отличались логикой изложения. Утверждения автора зачастую не вытекали из приведенного фактического материала, а безапелляционно декларировались и лишь изредка подкреплялись какими-либо свидетельствами. Мемуарист высказался по ряду проблем, имевших отношение к Политцентру.

Особенно подробно он изложил свое мнение о причинах, обусловивших возникновение Политцентра. Автор видел их в развале колчаковских войск и белого фронта, в дезорганизации государственного аппарата Российского правительства и в ликвидации его власти партизанами на большей части территории Восточной Сибири, в поддержке эсеров со стороны интервентов и прежде всего со стороны политического руководства Чехословацкого корпуса. Ширямов считал, что обстоятельства для осуществления Политцентром антиколчаковского переворота «складывались довольно благоприятные». По мнению Ширямова, организацией Политцентра эсеры и меньшевики, которых он называл не иначе как «предателями революции», стремились решить несколько задач. Эти задачи мемуарист каждый раз описывал по-разному. «Нужно было на место падающей колчаковской власти, — утверждал он в одной статье, — создать какую-нибудь иную власть, которая могла хотя бы на время задержать наступление советских армий, вступить с ними в переговоры, поддержать какой-нибудь порядок среди бушующего моря восстания, чтобы дать время чехам выбраться на восток».¹⁰

В другой статье Ширямов писал, что создавшие Политцентр эсеры и меньшевики «поставили своей задачей отделить от России ту

часть Сибири, которая еще не была занята советскими войсками, установив здесь “под покровительством” великих держав “демократическую власть”, которая никак не могла привиться на российской почве, и “заключить мир с большевиками”, то есть добиться у Советской России договорных отношений на свое существование».¹¹

Еще одну из задач Политцентра Ширямов видел в его превращении в новый организационный центр, откуда эсеры и меньшевики «вновь могли бы начать плести тенета трудовой России, готовить новые заговоры и нападения». На этом основании мемуарист называл Политцентр «измененным в сторону демократии продолжением колчаковщины». «Колчаковщина, — писал он, — не была изжита с приходом Политцентра [к власти]. Политцентр был продолжением колчаковщины, вернее, ее заключительной главой».¹²

Ширямов считал принципиально важным высказать свое мнение о переговорах, которые состоялись между мирной делегацией Политцентра и представителями Сибревкома и Реввоенсоветом 5-й армии. О ходе и результатах переговоров в Томске 19 января 1920 г., имевших решающее значение, он знал в основном понаслышке. О вторых переговорах, проходивших в Красноярске 24 января, он только невнятно упомянул. Основной огонь своей критики автор обрушил на предложение Политцентра о создании в Восточной Сибири временного буферного государственного образования.

Согласие Сибревкома и Реввоенсовета-5 принять в ходе переговоров предложение Политцентра о создании буфера Ширямов считал ошибочным и объяснял рядом обстоятельств: сложностью объективных условий; дезинформацией и шантажом представителей Сибревкома и Реввоенсовета-5 со стороны эсеров и меньшевиков; угрозой вооруженного столкновения Красной Армии с чехословаками и японцами в случае несогласия с Политцентром; неосведомленностью представителей Советской России о фактическом положении вещей и их доверчивостью к заявлениям делегации Политцентра о том, что буфер явится «переходной ступенькой к Советской власти»; решающим влиянием, которое оказал на советскую сторону прибывший вместе с делегацией Политцентра большевик А. М. Краснощеков, нарушивший директивы, данные ему Иркутским губкомом РКП(б).

¹⁰ Ширямов А. Борьба с колчаковщиной // Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 24.

¹¹ Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М.; Л., 1926. С. 281–282.

¹² Он же. Борьба с колчаковщиной. С. 19, 36.

Ширямов изложил и объяснил позицию иркутских большевиков по отношению к Политцентру на разных стадиях его существования. Мемуарист настойчиво проводил мысль о том, что Политцентр не имел социальной опоры в широких массах. Более того, он заявил, что с самого начала борьбы против колчаковского режима в Иркутске образовались две власти: одна, официальная — Политцентра, другая — Иркутского комитета РКП(б) со штабом рабоче-крестьянских дружин. Недостатком у эсеров и меньшевиков реальных сил как для борьбы с отступавшими к Иркутску каппелевцами, так и для оказания сопротивления большевикам и их союзникам Ширямов объяснял причины, по которым 21 января 1920 г. Политцентр передал власть советскому военревкому.¹³

Во многом иначе освещал и интерпретировал позицию Политцентра И. Н. Смирнов. По мнению мемуариста, центральным пунктом программы Политцентра была борьба с интервенцией за независимость России. Для достижения этой цели прибывшая в Томск мирная делегация Политцентра рекомендовала большевикам избегать вооруженного конфликта с японцами и играть на противоречиях между Америкой и Японией. Возможность выиграть в такой дипломатической игре политцентровцы связывали только с организацией буфера. По свидетельству Смирнова, не только в Томске, но и в Москве (причем еще лучше) понимали необходимость приостановить наступление Красной Армии. Он свидетельствовал, что на вопрос, как быть с делегацией Политцентра, получил указание Центра «договориться об образовании буфера».

Смирнов отмечал, что во время переговоров в Томске у советской стороны и у политцентровцев обнаружилось различное понимание характера буфера. Советские представители по соображениям военного свойства предлагали Политцентру учредить свою резиденцию в Верхнеудинске, еще находившемся под властью Г. М. Семенова и японцев. Политцентр же добивался сохранения за ним Иркутска в качестве опорной базы буферной государственности. По мнению Смирнова, для советской власти буфер был необходим, «но только как прикрытие с востока»; однако для Политцентра «этот буфер представлялся как демократическая республика, где они могли бы укрепиться организационно для наступления на Советскую Россию».

Причиной, по которой Политцентр без сопротивления уступил власть в Иркутске военревкому, Смирнов, как и Ширямов, называл его неготовность к борьбе с приближавшимися к Иркутску каппелевцами. Вместе с тем председатель Сибревкома, в отличие от Ширямова, признавал, что «буфер, как временное государственное образование,... считался полезным», а с упразднением Политцентра идея буферного государства не умерла и была воплощена в виде ДВР.¹⁴

Что касается Парфенова, то он вступил в РСДРП после Февральской революции, а большевиком стал только в 1920 г. В 1920-х — начале 1930-х гг. Парфенов написал и опубликовал около десятка статей и три книги о революции и гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке, каждая из которых вышла в свет двумя изданиями.¹⁵

Содержание первой монографии Парфенова о гражданской войне в Сибири свидетельствует о том, что о ходе этого вооруженного конфликта, его этапах и особенно о ликвидации колчаковщины автор имел смутные представления, почерпнутые главным образом из устных сообщений его участников, из харбинской газетной периодики и минимального количества опубликованных документов. Иркутский Политцентр в книге лишь дважды упоминался без раскрытия его происхождения, деятельности и роли. Почти все публикации Парфенова содержали грубые фактические ошибки, авторские домыслы, недостоверные интерпретации событий и поведения политических деятелей, за что они подвергались справедливой критике участниками борьбы, эмигрантскими и советскими историками.¹⁶

Третья монография Парфенова называлась «Борьба за Дальний Восток». Работу над ее текстом автор завершил в декабре 1926 г. Она оказалась значительно лучше двух предыдущих книг. В ее второй–пятой главах частично нашел отражение и Иркутский Политцентр. Опираясь преимущественно на опубликованные источни-

¹⁴ См.: Смирнов И. Н. От колчаковщины к Советам (Переговоры с Политическим центром в январе 1920 года) // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 135–139.

¹⁵ См.: Парфенов П. С. (Петр Алтайский.) Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919 и 1920 гг. Харбин, 1921; Он же. Гражданская война в Сибири. 1918–1920. М., 1925; Он же. На соглашательских фронтах. М.; Л., 1927; Он же. На соглашательских фронтах. М., 1932; Он же. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. [Л.,] 1928; Он же. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. [М.,] 1931.

¹⁶ Более подробно о П. С. Парфенове (Петре Алтайском) см.: Шишкин В. И. Советская историография 1920-х гг. о буферной государственности эпохи гражданской войны на востоке России // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 13–15.

¹³ См.: Ширямов А. Борьба с колчаковщиной... С. 34–36.

ки, которые автор цитировал целыми страницами, он фрагментарно описал борьбу Политцентра за власть в Иркутске. Большое внимание Парфенов уделил переговорам представителей Политцентра и Российского правительства, состоявшимся 2–4 января 1920 г. в Иркутске и увенчавшимся объявлением перехода власти от Российского правительства к Политцентру.

Деятельность Политцентра Парфенов почти не анализировал, так как знал о ней мало. Фактически он ограничился только освещением переговоров мирной делегации Политцентра с представителями Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии, которые состоялись в Томске 19 января 1920 г. Но ход и результаты этих переговоров Парфенов изложил неполно и неточно. Автор сообщил об одобрении достигнутой в Томске договоренности насчет создания в Восточной Сибири буферного государства В. И. Лениным и Л. Д. Троцким, что не вполне соответствовало действительности. Он также привел акт от 22 января 1920 г., в соответствии с которым Политцентр произвел передачу власти советскому военревкому.

Третья книга Парфенова почти не содержала нового фактического материала об Иркутском Политцентре. Но она изобиловала многочисленными фактическими ошибками и тенденциозными трактовками событий и поведения отдельных действовавших лиц. Вслед за Ширямовым наибольшему искажению Парфенов подверг позицию большевика Краснощекова.

Следующая публикация, в которой упоминался Иркутский Политцентр, появилась только несколько лет спустя. Это была вступительная статья Н. А. Корнатовского в сборнике, посвященном десятилетию разгрома колчаковщины.¹⁷ Автор статьи являлся большевиком с 1919 г., бывшим политработником Красной Армии, который после окончания в 1927 г. адъюнктуры Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева работал научным сотрудником Ленинградского истпарта.

Судя по содержащимся в статье фактическим ошибкам и неверным трактовкам событий, Корнатовский имел слабое представление о гражданской войне на востоке России. В статье совершенно отсутствовала новая информация о Политцентре, но для его оценки использовались категоричные формулировки, заимствованные из арсенала большевистской пропаганды. Вслед за Ширямовым автор считал

создавших Политцентр эсеров и меньшевиков контрреволюционерами, их активность называл проявлением мелкобуржуазной демократической контрреволюции и заключительным этапом восточной, сибирской контрреволюции.

В то же время Корнатовский признал, что Политцентр считал себя «властью гражданского мира». Историк знал, что Политцентр обещал немедленно приступить к установлению перемирия на советском фронте и начать переговоры с советским правительством «на основе гарантирования самоуправления областей, освобожденных от реакции и не занятых армией Совета народных комиссаров». Корнатовский сформулировал несколько тезисов, дающих представление о его концепции: лозунги Политцентра были чужды рабочим и крестьянам Сибири; эсеры и меньшевики не имели поддержки со стороны трудящихся масс; попытки Политцентра организовать свою армию не увенчались успехом; правление Политцентра проходило в обстановке «враждебного отношения к нему трудящегося населения»; только под сильным напором масс Политцентр обратился к союзникам с требованием передать в его распоряжение Колчака. В качестве последнего акта, заявлял Корнатовский, Политцентр пошел навстречу требованиям масс, но удовлетворить хоть сколько-нибудь их остальные претензии он не мог, из-за чего его власть «быстро изживала себя». Отсутствие реальной силы у Политцентра, считал автор, обусловило передачу им власти Иркутскому военревкому.¹⁸

В 1935 г., когда отмечалось 15-летие освобождения Сибири от колчаковского правления, вышла в свет очередная статья А. А. Ширямова. Вписываясь в новый тренд советской историографии, заданный Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным, Ширямов продолжил эволюцию в сторону субъективизма и откровенной фальсификации фактов. Возникновение Политцентра Ширямов объяснил не деятельностью эсеров, меньшевиков и земцев, а усилиями чехов и союзного командования. В состав Политцентра он включил представителей какой-то мифической «кулацкой организации — трудовиков». Возникновение восстания против колчаковцев в Глазковском предместье и в самом Иркутске автор изображал сначала вне связи с деятельностью Политцентра, но позднее заявил, что с первого же дня восстание проходило «при наличии двух центров: штаба

¹⁷ См.: Корнатовский Н. А. Основные этапы развития восточной контрреволюции // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930. С. 3–19.

¹⁸ Там же. С. 15, 16.

Политцентра и штаба рабоче-крестьянских дружин». По его мнению, переговоры между представителями Политцентра и Российского правительства 3–4 января 1920 г. закончились заключением перемирия. Такое утверждение не соответствовало действительности, но позволило автору заявить, что тем самым Политцентр «фактически помог беспрепятственно скрыться отборной головке колчаковщины». Позицию Политцентра Ширямов характеризовал как попытку эсеров и меньшевиков при помощи чехословацких войск «продолжить дело Колчака под вывеской демократической власти». «Политцентр мечтал, — утверждал автор, — об организации в Сибири самостоятельного государства, которое могло бы противопоставить себя Советской России». Никаких положительных результатов деятельности Политцентра Ширямов не видел. Он считал, что находившиеся в Иркутске воинские части лишь формально находились под командованием штаба Политцентра, а Политцентр не принимал никаких мер по защите города от отступавших каппелевцев. «Всем было ясно, — писал Ширямов, — что Политцентр — это лишь временная ширма революции, что истинным хозяином положения являются большевики». Довольно двусмысленно прозвучало заявление автора о том, что в ночь на 21 января 1920 г. решением Сибирского и Иркутского комитетов РКП(б) «был организован военно-революционный комитет и Политцентр устранен от власти».¹⁹

Последней по времени и, как оказалось, единственной специальной публикацией об Иркутском Политцентре стала статья, написанная А. А. Ансоном для 4-го тома Сибирской советской энциклопедии (ССЭ).²⁰ Ансон имел высшее юридическое образование, был членом большевистской партии с лета 1917 г. В 1920-е — начале 1930-х гг. он занимал в Сибири ответственные партийно-политические посты, в том числе был заместителем ответственного редактора ССЭ.

Энциклопедическая статья обязывала ее автора к обобщению имевшегося материала и сделанных предшественниками выводов. Однако этого не произошло. Ансон, всегда отличавшийся большевистской прямолинейностью, ориентировался в основном на статьи Корнатовского и Ширямова, а также учитывал эволюцию советского политического режима и советской

историографии. Вслед за Корнатовским и Ширямовым он характеризовал Политцентр как организацию соглашательских партий, созданную в Иркутске в конце 1919 г. «для попытки замены разваливавшейся власти колчаковцев и продолжения борьбы с Советами под “демократическими” лозунгами». Эсеров и меньшевиков автор называл прислужниками интервентов, использовавшимися для задержки победоносного наступления Красной Армии и партизанских отрядов. Переговоры мирной делегации Политцентра с представителями Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии в Томске Ансон квалифицировал как попытку «запугать их международными осложнениями в случае дальнейшего продвижения Красной Армии».

По мнению автора, первые же шаги Политцентра «показали массам истинное лицо новой соглашательской попытки спасения капиталистической системы», квалифицировались им как контрреволюционные. Автор утверждал, что Политцентр был не способен организовать оборону Иркутска от отступавших каппелевцев и сохранить для России ту часть золотого запаса, которая находилась в городе под охраной чехословаков. «Своей соглашательской политикой, — утверждал Ансон, — П[олит]ц[ентр] помогал только интервентам и остаткам колчаковщины». Он передал власть Иркутскому военревкому, так как не имел за собой «никакой реальной силы».

Как удалось установить, за 1920 — первую половину 1930-х гг. в советской России было опубликовано не более полутора десятков мемуарных и научных текстов, в которых попутно нашел отражение вопрос об Иркутском Политцентре. Их авторы во время гражданской войны стояли на разных идейно-политических позициях. Однако расхождения во взглядах, существовавшие у них в годы гражданской междоусобицы, нашли лишь частичное отражение в написанных ими текстах. Такое относительное единодушие в значительной степени объясняется тем, что после перехода к нэпу почти все мемуаристы вступили в РКП(б): одни стали мимикрировать, другие — адаптироваться к новой ситуации, пересматривать свою предшествующую деятельность и взгляды.

Последнее не означало, что в 1920-е гг. у авторов, являвшихся большевиками, было полное единство мнений по истории Политцентра. Напротив, прослеживаются значительные расхождения по ряду ключевых вопросов темы. Эти расхождения объясняются факторами разного

¹⁹ Ширямов А. Конец колчаковщины // Борьба классов. М., 1935. № 1–2. С. 91–94, 96.

²⁰ См.: А[нсон] А. Политический центр // Сибирская советская энциклопедия. [Новосибирск, 1936.] Стб. 413–414 (макет). Этот том был набран в печать, но не вышел в свет.

порядка. Главными из них были, во-первых, отсутствие жесткого политико-идеологического контроля за мемуаристикой и публикациями историков со стороны властей; во-вторых, разный уровень культуры и эрудиции авторов, их способности глубоко и самостоятельно мыслить. Скорее всего, именно эти две причины обусловили некий плюрализм мнений, существовавший в 1920-е гг. насчет Политцентра. Но уже тогда в исторических публикациях наблю-

дались как дефицит объективности, так и тенденциозность, случаи фальсификации фактов.

На рубеже 1920–1930-х гг. при прямом содействии со стороны властных структур обе названные тенденции усилились. Пять лет спустя они стали доминирующими. Об этом убедительно свидетельствует специальная статья об Иркутском Политцентре, написанная одним из наиболее продвинутых и известных историков Сибири для публикации в ССЭ.

Vladimir I. Shishkin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: patric@academ.org

IRKUTSK POLITICAL CENTER AS VIEWED BY THE SOVIET MEMOIRISTS AND HISTORIANS OF THE 1920s AND FIRST HALF OF THE 1930s

The article identifies Soviet memoirists and historians who wrote and published texts dedicated to the Irkutsk Political Center in the 1920s and the first half of the 1930s. It analyzes these publications and concludes that during the Russian Civil War, some authors of memoirs and articles were in the counter-revolutionary camp, while others opposed the Bolsheviks, and some were the Bolshevik Party members. However, after the war, almost all opponents of the Bolsheviks changed their party affiliation and joined the RCP(b). The initial ideological and political views of the authors and their subsequent transition to communist positions determined the set of problems that they considered in their texts and the way of their interpretation. The focus of memoirists and historians was on a limited range of topics that they regarded most important for understanding the phenomenon of the Political Center: the reasons and factors that led to its creation, the purpose and tasks that the Political Center sought to solve; its role and significance in ending the Russian Civil War in Siberia. The memoirists and historians of the 1920s showed significant differences in their ideological and political views, erudition, and independence of thinking on these issues. The lack of objectivity of most authors and the biased judgments they expressed sharply increased since the early 1930s and reflected the general situation in the Soviet Union and Soviet historiography. As a result, by the mid-1930s, the assessment of the Irkutsk Political Center as the second stage of the “democratic counter-revolution” had become established in the historical literature.

Keywords: *Siberia, Russian Civil War, Socialist Revolutionaries, Mensheviks, Bolsheviks, Political Center, buffer state, “democratic counter-revolution”*

REFERENCES

- Kornatovsky N. A. [The Main Stages of the Development of the Eastern Counter-Revolution]. *Kolchakovshchina. Iz belykh memuarov* [Kolchakovshchina. From the White Memoirs] Leningrad: Krasnaya gazeta Publ., 1930, pp. 3–19. (in Russ.).
- Parfenov P. S. *Bor'ba za Dal'niy Vostok: 1920–1922* [The Struggle for the Far East: 1920–1922]. Moscow: Moskovskoye tov-vo pisateley Publ., 1931. (in Russ.).
- Parfenov P. S. *Grazhdanskaya voyna v Sibiri. 1918–1920* [The Civil War in Siberia]. Moscow: Gosudarstvennoye izd-vo Publ., 1925. (in Russ.).
- Parfenov P. S. *Na soglashatel'skikh frontakh* [On the Conciliatory Fronts]. Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy Publ., 1927. (in Russ.).
- Parfenov P. S. *Uroki proshlogo. Grazhdanskaya voyna v Sibiri 1918, 1919 i 1920 gg.* [Lessons of the Past. The Civil War in Siberia in 1918, 1919 and 1920]. Harbin: Pravda Publ., 1921. (in Russ.).
- Shishkin V. I. [Soviet Historiography of 1920s on Buffer Statehood in Russian Civil War period in the East of Russia]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2022, vol. 7, no. 3, pp. 9–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-9-19 (in Russ.).

Для цитирования: Шишкин В. И. Иркутский политический центр в освещении советских мемуаристов и историков 1920-х — первой половины 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 154–161. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-154-161.

For citation: Shishkin V. I. Irkutsk Political Center as Viewed by the Soviet Memoirists and Historians of the 1920s and First Half of the 1930s // Ural Historical Journal, 2025, no. 1 (86), pp. 154–161. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-154-161.